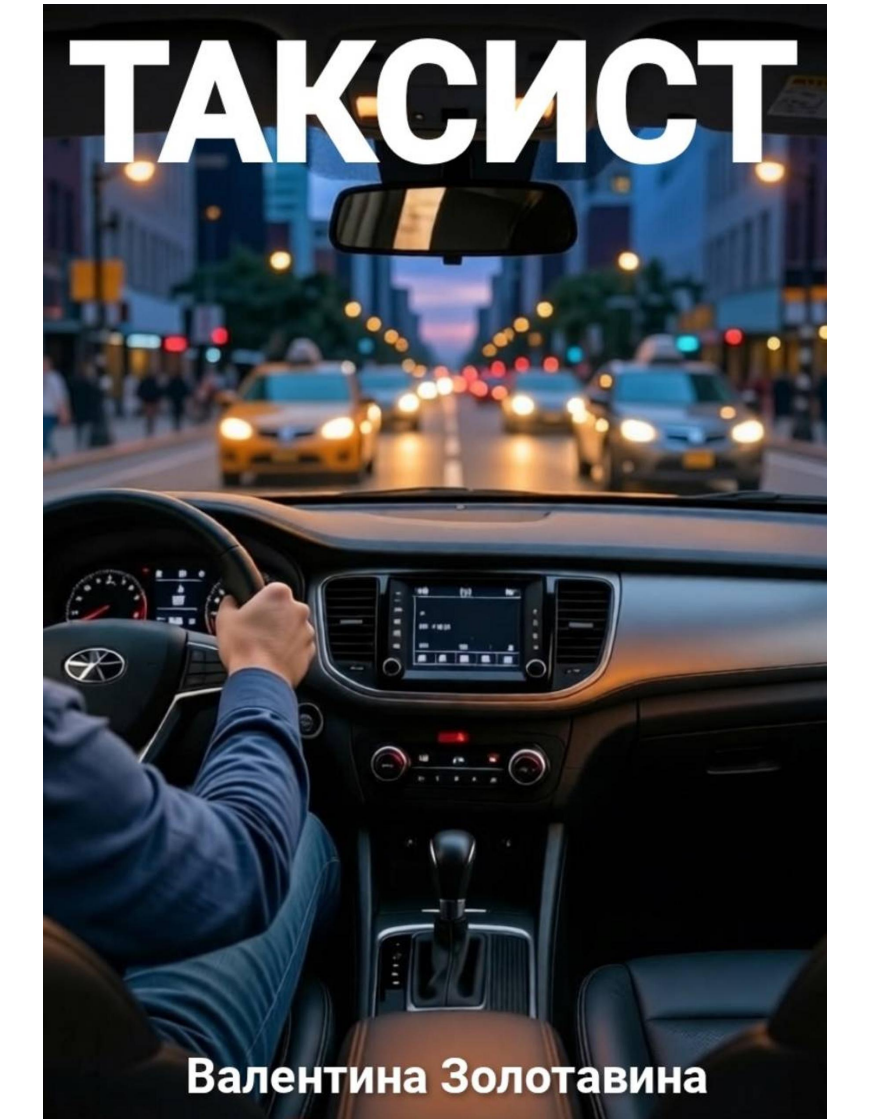

ТАКСИСТ

Валентина Золотавина

Валентина Золотавина

Таксист

<https://litres.ru/73888004>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы когда-нибудь говорили правду незнакомцу?

Герой этого сборника — таксист без имени. Для пассажиров он просто силуэт в зеркале заднего вида: затылок, плечи в тёмно-синем пиджаке и внимательные глаза, которые видят больше, чем следует. К нему относятся с подозрением — кто же доверяет случайному водителю? — но именно в его машине люди вдруг начинают говорить то, что скрывают годами.

Содержание

История первая: Браслет и блеф	4
История вторая: Ключи, которые не поворачиваются	12
История третья: Маленький чемодан	21
История четвёртая: Три остановки	28
История пятая: Цветы для той, что снится	36
И	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Валентина Золотавина

Таксист

История первая: Браслет и блеф

Вечерний город переливался огнями, как новогодняя ёлка, которую забыли разобрать в апреле. Он вёл машину плавно, без рывков — привычка, выработанная за годы. Имя его было никому не известно. На бейджике — пустота, на заказе — просто «Водитель». Пассажиры косились на него, проверяли замки дверей, но он никогда не подавал повода для тревоги. Тёмно-синий пиджак, чистая рубашка, никакой бесстыжей рекламы в салоне. Только запах кофе и лёгкий аромат кожи.

Она появилась на тротуаре, как скандал в консерватории. Маленькое чёрное платье, туфли на такой шпильке, что ими можно было защищать королевство. Волосы волной, макияж «на миллион», но уголки губ опущены вниз. Она села на заднее сиденье, бросила клатч на соседнее кресло и сказала: — На Фонтанку, к Особняку Спиридонова. И, пожалуйста, быстрее. Я уже опаздываю.

Он кивнул, тронулся с места. В зеркале заднего вида она была похожа на куклу, у которой села батарейка. Пальцы лежали по экрану айфона, отправляя сообщения с чудовищной

скоростью. Губы шевелились — она читала ответы, потом вдруг швырнула телефон в клатч.

— Как же всё это бесит, — выдохнула она, и тут же замолчала, словно испугавшись собственной искренности.

Браслет с руки упал на сиденье. Бриллиантовая крошка, тонкое золото. Она не заметила.

— Вы не потеряли, — тихо сказал он. — Ваша вещь на кремовой коже. Видно хорошо.

Она оглянулась, подняла браслет, надела обратно, но взгляд её задержался на затылке водителя. Пассажирка нервно дёрнула плечом:

— Слушайте а вы всегда такой спокойный? Не хочется иногда просто развернуться и уехать к чёрту на рога?

— А вы хотите? — вопросом на вопрос ответил он.

В салоне повисла пауза. Мигали жёлтые фонари, шуршали шины по свежему асфальту.

— Хочу, — вдруг призналась она. — Знаете, в чём проблема? Меня тошнит от этого мероприятия. От этих людей. От их улыбочек, от того, как они смотрят на твою сумочку, на твою причёску, на твоё кольцо. Я ненавижу их всех. Но если я не приеду — они скажут, что у меня кризис. Или что я беременна. Или что меня бросили. Или что я обанкротилась. Они придумают сто причин, и все — гадкие. И все будут шептаться.

Она говорила, и голос её становился всё выше. Он снизил скорость, потому что впереди горел красный.

— А что самое обидное? — спросил он мягко, как спрашивают у ребёнка, который упал с велосипеда.

— Самое обидное, — она сжала браслет так, что металл впился в пальцы, — что они даже не узнают настоящую меня. Им плевать, болит у меня что-то или нет. Им важно только моё отражение в их зеркалах. Если я не приеду — они подумают плохо. А если приеду — всё равно подумают плохо, но хотя бы скажут: «Какая она молодец, держится».

Машина остановилась на перекрёстке. «Мерседес» слева мигнул фарами, он вежливо пропустил. Она вздохнула с горечью.

— Скажите, — он повернул голову чуть вбок, но не посмотрел на неё, давая сохранить лицо, — если бы вы сейчас заболели по-настоящему, что бы вы выбрали: лежать дома в пижаме с температурой или быть там?

— Дома, — ответила она мгновенно.

— А если бы вы просто сказали: «Я не хочу»? Без болезни, без причины. Просто «нет».

— Так нельзя.

— Кто сказал?

Она замерла. В салоне повисла тишина, нарушаемая только ровным гулом мотора.

— Все, — сказала она наконец. — Все вокруг. С детства. «Ты должна быть хорошей девочкой», «Ты должна оправдывать ожидания», «А что скажут люди?» Знаете, моя мама до сих пор звонит и спрашивает, как я выгляжу перед выходом.

Не как я себя чувствую. А как я выгляжу.

Он включил поворотник, свернул в тихий переулок. У них было ещё минут семь до Особняка. Семь минут, чтобы сдвинуть мир с оси.

— Представьте, — сказал он спокойно, почти вкрадчиво, — что все эти люди — актёры. А вы пришли на их спектакль. Они играют роли: «преуспевающий бизнесмен», «идеальная жена», «гениальный художник». И им очень важно, чтобы в зрительном зале был кто-то, кто поверит. Им нужно ваше мнение о них. А вы — единственная, у кого есть аншлаг внутри. Вы настоящая. И теперь вопрос: зачем вам выходить на их сцену и играть по их правилам?

— Но если я уеду домой — они подумают....

— Кто? — перебил он мягко, но твёрдо. — Актёры? Вы волнуетесь о мыслях вымышленных персонажей своей же головы? Вы их даже не уважаете, вы сами сказали. Вы их ненавидите. Зачем вам любовь тех, кого вы презираете?

Она открыла рот, потом закрыла. Браслет на запястье сверкнул в свете проезжающей мимо машины.

— Вы понимаете, — продолжил он, не нажимая, просто ведя ниточку мысли, — что их мнение — это как воздух в мыльном пузыре? Красиво, переливается, но лопается от одного прикосновения реальности. Они сегодня шепчутся о вас. Завтра — о следующей. Вы для них — не человек. Вы — тема для разговора. Разве можно строить свой вечер на том, что скажет тема?

Она вдруг рассмеялась. Не истерично, а по-настоящему, с облегчением.

— Господи, — выдохнула она. — Вы таксист или психотерапевт?

— Таксист, — улыбнулся он в зеркало, и она впервые увидела его глаза — тёплые, внимательные, без тени оценки. — Мне не надо сохранять вашу душевную репутацию. Я вас не знаю и не узнаю. Поэтому могу сказать правду.

— И какая правда?

— А правда в том, — он сбросил скорость, они подъезжали к Особняку, уже были видны швейцары в красных мундирах и вереница дорогих машин, — что вы сегодня можете выбрать себя. Не «их мнение о вас». А себя. Прямо сейчас. Через три секунды мы остановимся. Вы выйдете, зайдёте туда, будете улыбаться, пить шампанское и чувствовать, как внутри всё сжимается. Или вы скажете: «Мне неинтересен этот театр. Поехали домой». И завтра ваша голова не будет раскалываться от того, что вы опять кого-то играли.

Машина остановилась. Швейцар уже открывал дверь со стороны пассажирки. Она взялась за ручку, потом отдернула руку, будто обожглась.

— Не надо, — сказала она швейцару резко. — Я передумала.

— Что? — не понял тот.

Она откинулась на спинку сиденья, счастливо и страшно.

— Увезите меня домой, — сказала водителю. — Пожа-

луйста. На Пушкинскую, к Сенной. Знаете, там есть кругло-суточный «Вкусно и точка». Я хочу картошку фри. И пусть они думают что хотят.

Он молча развернулся. Швейцар остался стоять с открытым ртом. Машина плавно выехала с парадной аллеи.

— Только одно, — сказала она и вдруг наклонилась вперёд, положив подбородок на спинку пассажирского кресла. — Как вас зовут? Я хочу знать имя человека, который осмелился сказать правду.

Он помолчал несколько секунд. В зеркале она видела только половину его лица — спокойного, чуть усталого, но удивительно мирного.

— Меня зовут так, как вам удобно меня называть, — сказал он с лёгкой улыбкой. — Для одних я «водитель», для других — «попутчик». Для третьих — «голос, который сказал то, что они и так знали, но боялись признать». Имя неважно. Важно, что вы его запомните не как моё, а как то, что внутри вас сейчас захотело фри и спокойной ночи. Это ваше имя. Истинное. А я — лишь тот неизвестный, пункт назначения которого — чужой покой.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами. Браслет на руке вдруг перестал жечь запястье. Она сняла его и положила в клатч — туда, где лежал телефон, на который пришло уже двенадцать сообщений: «Ты где?», «Все ждут только тебя!», «Опозоришься, если не придёшь».

Она взяла телефон, отключила звук и посмотрела в окно.

Огни города плыли мимо, но теперь она не чувствовала в них угрозы. Внутри впервые за много лет было тихо.

— Знаете, — сказала она уже на подъезде к её дому, — вы хуже, чем психотерапевт. Вы честнее. Спасибо.

Он не ответил. Остановился, подождал, пока она выйдет. Она сунула купюру, в два раза больше положенного, и уже открыла дверь, как вдруг обернулась:

— А вы всегда так? Со всеми?

— Только с теми, кто готов услышать, — ответил он. — Остальным я просто рассказываю прогноз погоды.

Она улыбнулась — впервые за вечер искренне — и захлопнула дверь. Машина растворилась в ночном городе. Без имени, без номера, только зелёный огонёк «Свободен» на крыше.

Девушка постояла минуту, глядя вслед. Потом достала телефон и набрала одно сообщение в общий чат: «Сегодня не приду. Просто не хочу».

Она выключила экран, поднялась в свою квартиру, сбросила туфли и заказала две порции картошки фри. И почему это раньше она боялась собственного «нет» больше, чем чужого «плохо»?

А таксист в это время включил приём нового заказа. На экране высветилось: «Заберите мужчину из бизнес-центра. Плачет, не хочет ехать к семье».

Он вздохнул, поправил зеркало и поехал. Потому что мамы не выбирают, кого освещать. Они просто горят.

История вторая: Ключи, которые не поворачиваются

*Я не всегда был таксистом. Раньше
я продавал то, что не любил,
людям, которые не нуждались в
этом. И однажды понял: я не помню,
когда в последний раз говорил
правду. Не потому, что врал — а
потому, что молчал. Теперь я возжу
и слушаю.*

*Правда других - стала моей
работой.*

*А свою я храню за зеркалом заднего
вида. Там темно и безопасно.*

*Иногда полезно быть ничем для
всех, чтобы стать всем для
одного..*

Таксист.

Он взял заказ через три минуты после того, как высадил девушку с браслетом. На экране высветилось: «Бизнес-центр "Невская башня", 22:15. Подать к чёрному входу». Дополнительно: «Пассажир просит тишину».

Таксист усмехнулся про себя. «Просит тишину» всегда означало обратное — такому пассажиру нужен слушатель,

который не перебивает.

Он подъехал к бизнес-центру. У чёрного входа, под козырьком, стоял мужчина лет сорока пяти. Дорогой костюм, но галстук ослаблен, верхняя пуговица рубашки расстёгнута. В одной руке — портфель из чёрной кожи, в другой — скомканный носовой платок. Он вытирал глаза.

Таксист включил аварийку, вышел из машины, открыл заднюю дверь. Мужчина посмотрел на него мутным взглядом, хотел что-то сказать, но только махнул рукой и нырнул в салон.

— На Репищева, 13, — голос сел, будто он кричал или не пил воду целый день. — Но не быстро. Мне... мне пока не туда.

— Понял, — сказал таксист и тронулся. В зеркале заднего вида мужчина сидел, откинувшись на спинку, уставившись в потолок. Глаза покрасневшие, щетина уже пробилась, хотя брился, видимо, утром. На запястье — часы за миллион, но рука трясётся.

Они проехали молча минут пять. Мужчина сжимал портфель, как спасательный круг. Потом вдруг всхлипнул. Один раз. Потом ещё. Потом закрыл лицо руками и заплакал — тихо, беззвучно, плечи ходили ходуном.

Таксист опустил стекло со своей стороны, пропуская свежий воздух. Не включил радио. Не спросил «что случилось». Просто ехал.

Через три минуты, когда мужчина немного успокоился,

он произнёс ровно:

— Можем сделать круг. Съездим на набережную, там сейчас красиво. Время у нас есть.

— Есть, — хрипло ответил мужчина. — Собственно, времени у меня всегда много. Его слишком много последние годы.

Он помолчал, потом выдохнул и заговорил, глядя в боковое окно на проплывающие витрины.

— Меня зовут... а впрочем, неважно. Мне сорок семь. У меня бизнес, три магазина, квартира в центре, машина за восемь миллионов. И я сейчас еду в дом, где живёт моя семья. Жена и сын. Сыну четырнадцать.

— Хороший возраст, — нейтрально заметил таксист.

— Если бы я знал, — горько усмехнулся мужчина. — Он не разговаривает со мной. Третий год. Просто молчит. Я прихожу — он уходит в комнату. Я сажусь ужинать — он берёт тарелку и уходит к себе. Я говорю «привет» — он надевает наушники. Жена... она тоже почти не говорит. Смотрит сквозь меня. Как будто я призрак, который иногда заходит в дом.

Он порылся в кармане пиджака, достал пачку сигарет, потом вспомнил, что в машине нельзя, и сунул обратно.

— Вы знаете, что такое приходить в пустой дом, где есть люди? — спросил он, не оборачиваясь. — Это хуже, чем одиночество. Одиночество — это когда тебя нет. А здесь ты есть, но тебя всё равно... не видят.

Таксист свернул к набережной. Впереди зажглись мосты, отражаясь в чёрной воде золотыми полосами.

— Давно так? — спросил он.

— Три года. Нет, четыре. Я пропустил день рождения сына. Мне нужно было лететь в командировку. Контракт на двадцать миллионов. Я сказал: «Сынок, мы потом отметим, купим тебе то, что захочешь». Он ничего не сказал. А вечером я улетел. И с того вечера он молчит.

Голос мужчины сломался. Он сжал портфель так, что побелели костяшки.

— Я думал, что работаю ради них. Чтобы у них было всё. Дом, одежда, репетиторы, путешествия. Я пропадал в офисе по шестнадцать часов. Приходил — они уже спали. Уходил — они ещё спали. Выходные? Какие выходные, у нас аврал. Я думал — вот сейчас, ещё немного, отобью кредиты, куплю квартиру побольше, тогда и заживём. А они не ждали. Они привыкли жить без меня. И теперь я лишний в собственной семье.

— А сегодня что случилось? — мягко спросил таксист.
— Почему плакали?

Мужчина отвернулся к окну, долго молчал. Потом сказал тихо:

— Сегодня звонила классная руководительница. Сын написал сочинение «Мой папа». Там было три строчки. Дословно: «Мой папа работает. Он приходит поздно. Иногда он есть, иногда его нет. Когда он есть, его всё равно как будто

нет». Учительница сказала: «Это тревожный звоночек». А я понял, что это приговор.

Он вытер глаза платком, потом выбросил платок обратно в карман.

— Сегодня у нас семейный ужин. Я обещал приехать. Купил подарки. Жене — серёжки, сыну — игровую приставку, самую дорогую. И сию боюсь. Потому что они посмотрят на меня, скажут «спасибо» пустыми глазами и разойдутся по углам. Я не хочу туда ехать. Я не хочу снова видеть эту стену.

И заплакал снова, уже не скрываясь. Таксист молча вёл машину. Они проплывали мимо Исаакиевского собора, потом мимо Медного всадника. Город спал, только патрульные машины изредка проезжали мимо.

— Могу предложить маршрут, — сказал таксист через минуту. — Я сделаю небольшой крюк. Покажу вам кое-что. Если вы не против.

— Всё равно, — равнодушно ответил мужчина. — Везде я чужой.

Таксист свернул на набережную Обводного канала, потом нырнул во дворы-колодцы и остановился у старой пятиэтажки с облупившимся фасадом.

— Посмотрите направо, — тихо сказал он.

Мужчина повернул голову. У подъезда стоял мужчина в рваной куртке, с авоськой, полной бутылок. Он копался в замке, не мог попасть ключом, потом достал телефон и набрал номер.

— Алло, Лен? Я это... ключи забыл. Ты выйдешь? Не сердись. Я третий день не пью, честно. Соскучился. И конфет принёс. Помнишь, ты любишь "Красную шапочку"? Я купил.

В трубке что-то ответили. Мужчина заплакал — по-детски, со всхлипами.

— Спасибо, Лен. Спасибо, родная. Сейчас, я быстренько. И ты выйди, а? Мне тебя очень не хватало.

Он прижал телефон к уху и замер. Потом дверь открылась, вышла женщина в халате, обняла его, и они вместе вошли в подъезд.

Таксист развернулся и поехал дальше.

— Зачем вы мне это показали? — спросил мужчина, но голос уже звучал иначе — тихо, задумчиво.

— А вы поняли? — ответил вопросом таксист.

— Он вернулся. Она его ждала. Хотя он... ну, понятно, кто он. Пьёт, наверное. Но она вышла. И конфеты приняла.

— А вы догадались, что его главная проблема была не в ключах? — спросил таксист. — Он не знал, откроют ли ему дверь. Боялся, что скажут: «Иди отсюда». А ему открыли. И он заплакал от облегчения, потому что боялся пустоты.

Мужчина замер.

— Вы боитесь того же, — сказал таксист ровно. — Не того, что они вас отвергнут. Вы боитесь, что их равнодушие — это окончательная правда. Но я вам скажу одну вещь. Вы пропустили четыре года. Это много. Но сын написал сочинение. Три строчки. Знаете, что это значит?

— Что я плохой отец.

— Нет. Это значит, что он думает о вас. Злится — значит, вы ему небезразличны. Равнодушный ребёнок вообще не стал бы писать. На кой ему? А он написал. Учительница забеспокоилась — и правильно. Но самое главное не в этом.

— А в чём?

— В том, что вы едете. Вы боитесь, у вас трясутся руки, вы плакали в такси — и вы всё равно едете. Вы купили приставку и серьги. Вы не сдались. Понимаете? Для семьи ужасна не злость. Ужасно молчание, когда человек просто перестаёт пытаться. А вы пытаетесь. Это уже победа.

Мужчина молчал. Город проплывал за окном, но теперь он смотрел не мимо — вперёд.

— Я не знаю, как разморозить их, — сказал он наконец.

— Я не умею разговаривать. Я умею только работать.

— Тогда начните не с разговора, — сказал таксист. — Сядьте в коридоре, если они разойдутся. Не уходите. Будьте рядом, даже если молчат. Присутствие важнее слов. Через день, через неделю, через месяц — они привыкнут, что вы есть. И однажды сын спросит: «Пап, а ты правда пришёл?» И вы ответите: «Да. Я пришёл и больше не уйду».

— А если он не спросит?

— А вы скажите сами. Не ждите вопроса. Просто однажды вечером положите руку ему на плечо. Не требуйте ответа. Просто будьте. Это самое трудное — не требовать ничего взамен. Но это единственный путь.

Машина въехала во двор на Репищева, 13. Дом был обычный, панельный, но в одном окне на шестом этаже горел жёлтый свет.

— Это наше, — прошептал мужчина. — Жена всегда оставляет свет в кухне. Говорит, чтобы я видел, что меня ждут. А я думал, что это просто привычка.

Он открыл дверь, вышел, потом наклонился к переднему сиденью.

— Как вас зовут? — спросил он, глядя в глаза таксисту.

— Тот, у кого нет имени, — спокойно ответил тот. — Просто водитель. Но если хотите — называйте меня «маяк». Сегодня ваш маяк.

Мужчина достал бумажник, вынул пять тысяч.

— Не надо, — остановил таксист. — Оплата по счётчику. Я вам не благотворительность.

— А что? Берите...

— Пойдите домой. Достаньте приставку. Идиотскую вашу приставку — извините, — и скажите сыну: «Я знаю, что опоздал на четыре года. Но сейчас я здесь. Поиграем вместе?» И если он уйдёт в комнату — пойдите за ним. Не ждите приглашения. Вы отец.

Мужчина стоял, не в силах пошевелиться. Потом резко захлопнул дверь, развернулся и почти побежал к подъезду.

Таксист посмотрел ему вслед. На шестом этаже в кухне загорелся ещё один свет. Кто-то выглянул в окно.

— Ну давай же, — тихо сказал таксист. — Войди. Ключи

у тебя есть. Всегда были. Просто ты боялся повернуть.

Он включил приём новых заказов. Через минуту пришло: «Женщина с ребёнком, бояться ехать к мужу».

Таксист вздохнул, поправил зеркало и тронулся. В зеркале заднего вида всё ещё горели два окна на шестом этаже.

Он не обернулся. Маяки не оглядываются. Они просто светят.

История третья: Маленький чемодан

Было далеко за полночь, когда на экране загорелся новый заказ. «ТЦ "Океан", южный выход. Пассажир с ребёнком. Просьба — без резких движений».

Таксист подъехал к торговому центру. У выхода, прижавшись к холодной стене, стояла женщина лет тридцати. В одной руке — чемодан на колёсиках, в другой — рука девочки лет семи. Девочка спала стоя, привалившись к материнскому бедру, в руках — потрёпанный плюшевый заяц.

Таксист вышел, открыл заднюю дверь, помог уложить чемодан в багажник. Женщина смотрела на него с подозрением — как все пассажиры в этот час.

— На Московский вокзал, — сказала она тихо. — На ближайший поезд. В любом направлении.

— Садитесь, — кивнул он, не задавая лишних вопросов.

Она усадила девочку на заднее сиденье, пристегнула, сама села рядом. Машина тронулась.

Первые минуты молчали. Таксист смотрел в зеркало: женщина обнимала дочь, смотрела в окно, губы сжаты. На пальце — обручальное кольцо, но оно сидит криво, как будто его снимали и надевали сто раз.

— Мам, мы скоро? — сонно спросила девочка.

— Скоро, зайка. Поспи.

Дочь закрыла глаза, заяц выпал из рук. Мать подняла его, прижала к груди. По щеке скатилась слеза. Она быстро её смахнула, но таксист заметил.

— Вы не на вокзал едете, — мягко сказал он через минуту.

— Что? — она вздрогнула.

— Вы едете от чего-то. Или от кого-то. Чемодан собран наспех — молния не застёгнута до конца. Ребёнок не переобут — на ней осенние ботинки, хотя на улице уже минус. Вы взяли его, — он кивнул на зайца, — а свои вещи — нет. Потому что вам было не до себя.

Женщина замерла. Потом тихо, зло сказала:

— Вы психолог? Мне не нужен психолог. Мне нужен вокзал.

— Я таксист, — спокойно ответил он. — И я везу вас туда, куда вы сказали. Но мы доедем через двадцать минут. Вы можете молчать всё это время. А можете сказать то, от чего внутри уже всё кипит. Я не запомню имени. Я не узнаю вас завтра. Я просто чужой человек в машине.

Она молчала. Таксист свернул на набережную — там было тише, меньше светофоров, больше времени.

— Я боюсь, — вдруг выдохнула она. — Боюсь своего мужа. Не то чтобы он бьёт — нет. Но он... выключает меня. Говорит: "Ты сидишь с ребёнком, а я работаю. Ты ничего не понимаешь. Твоё мнение неважно". Он кричит. При детях.

Он швырнул чашку в стену на прошлой неделе — дочка плакала три часа. А когда я сказала "хватит", он рассмеялся и сказал: "Куда ты пойдёшь? С чем? На какие деньги?"

Она говорила быстро, будто боялась, что передумает.

— Я никуда не хожу. У меня нет друзей. Он проверил мой телефон — удалил всех, с кем я переписывалась, кроме своей мамы. Та звонит и говорит: «Терпи, у всех так». А я не хочу терпеть. Я хочу, чтобы дочка не боялась засыпать. Чтобы она не вздрагивала, когда хлопает дверь.

Девочка заворочалась во сне, прошептала: «Папа, не надо...» — и затихла.

Мать закрыла лицо руками.

— Видите? — сказала она сквозь пальцы. — Она даже во сне его боится. А он считает, что мы обязаны ему жизнью. Он приносит деньги — и всё. А взамен требует, чтобы мы боялись и слушались. Я забрала документы, немного наличных — и сбежала, пока он на ночной смене. К утру вернётся, увидит, что нас нет... Что тогда?

Она подняла голову. Глаза красные, но не мокрые — слёзы кончились.

— Вы хорошая мать, — сказал таксист.

— Откуда вы знаете?

— Плохая мать не увезла бы ребёнка. Она осталась бы и терпела дальше, потому что боится неизвестности. А вы увезли. Вы выбрали дочь.

Она хотела что-то сказать, но вдруг прижала зайца к лицу

и заплакала — тихо, чтобы не разбудить девочку.

Таксист сделал круг по Садовой. Время шло, но вокзал приближался медленно — он специально выбрал длинный маршрут. Ей нужно было выговориться до конца.

— Он никогда не был другим, — продолжила она, успокаиваясь. — Просто я думала, что любовь — это терпеть. Мама научила. «Бьёт — значит любит», «Кричит — значит переживает». Я верила семь лет. А вчера дочка спросила: «Мама, почему папа нас не любит?» Не «меня». «Нас». Она уже знает, что мы вместе. Что он против нас двоих.

— А вы что ответили?

— Ничего. Я не знала, что сказать. А потом поняла: если я не отвечу — она вырастет и будет так же терпеть. Или сама станет такой, как он.

Машина выехала на площадь перед вокзалом. Огни, автобусы, люди с чемоданами — все куда-то бегут. Женщина посмотрела на вокзал, потом на дочь.

— Я не знаю, куда ехать, — призналась она. — У меня есть три тысячи. На билет до ближайшего города. А там — ничего. Ни работы, ни жилья.

— Это страх, — сказал таксист. — Не неизвестность пугает. Пугает то, что вы привыкли верить, что без него вы — ноль. А это неправда.

— Откуда вы знаете?

— У меня мать была такой, как вы. Только она не ушла. Она осталась. И однажды он её... сильно ударил. В больнице

она пролежала месяц, а я понял: единственное, о чём она жалела, — что не ушла раньше. Не из-за себя. Из-за меня.

Таксист замолчал на секунду.

— Моя мать выжила. Но ребёнок во мне умер в тот день. Вы не хотите, чтобы ваш ребёнок умер.

Женщина смотрела на него широко открытыми глазами.

— Что мне делать? — прошептала она.

— Вы уже делаете. Вы ушли. А теперь — не сворачивайте. Вокзал — это не выход. Выход — это дверь, за которой вас не будут бояться. Давайте я отвезу вас не на вокзал.

— А куда?

— Есть ночной приют для мам с детьми. Я знаю адрес. Там вам помогут с документами, с жильём, с работой. Это не рай, но там безопасно. И главное — там научат, что бояться — это не любовь.

— А если он найдёт?

— Если найдёт — будет полиция. Вы не вещь. Вы человек. И дочь ваша — человек. Он не имеет права на вас. Никто не имеет.

Она долго молчала. Девочка во сне улыбнулась — зайцу, что ли.

— Везите, — сказала мать. — В приют.

Таксист развернулся. Вокзал остался позади — жёлтые огни растаяли в зеркале.

Они ехали молча, но молчание было другое. Не тяжёлое, как в начале, а — уставшее, но спокойное.

— Как вас зовут? — спросила она, уже выходя у дверей приюта. Девочка проснулась, тёрла глаза, заяц болтался в руке.

— Тот, у кого нет имени, — ответил он. — Просто тот, кто верит, что вы справитесь.

— А если нет?

Он наклонился к ней, посмотрел прямо в глаза.

— Вы уже справились. Вы сделали первый шаг. Остальное — просто шаги. Их можно делать медленно. Главное — не останавливаться.

Она достала кошелёк.

— Не надо, — он покачал головой. — Сегодня последний заказ. Бесплатно. Скажите спасибо тем, кого встретите на новом месте. И когда-нибудь, через годы, если увидите женщину с чемоданом у вокзала — подойдите к ней. Скажите: «Я была на вашем месте. Идёмте, я помогу». Это будет лучшая плата.

Она стояла, не зная, что сказать. Девочка вдруг шагнула к таксисту и протянула зайца.

— Подержи, — сказала она. — Чтоб ты не грустил.

Таксист взял зайца, сжал в ладони, потом вернул.

— Спасибо, — сказал он. — Теперь я не буду грустить.

Мать с дочерью скрылись за дверью приюта. Таксист постоял минуту, глядя на свет в окне. Потом сел в машину, выключил приём заказов и поехал домой. Ночь закончилась.

И он уехал в утро, оставив за спиной город, который

никогда не спит, и людей, которые наконец-то решились проснуться.

История четвёртая: Три остановки

Было утро. Не раннее — такое серое, петербургское, когда непонятно, то ли рассвет, то ли сумерки. Таксист только что выпил кофе на заправке, протёр зеркала и включил приём заказов. Первый вызов пришёл через минуту.

«Адрес: улица Восстания, 74. Пассажир пожилой. Требуется помощь с багажом».

Он подъехал к облезлой пятиэтажке. У подъезда стоял старик лет восьмидесяти, в старом, но чистом пальто, с одним-единственным кожаным чемоданом — потёртым, перевязанным бечёвкой. Старик опирался на трость, но держался прямо, как солдат на параде.

Таксист вышел, забрал чемодан — лёгкий, почти пустой. Помог старику сесть. Тот назвал адрес: Ладожский вокзал. Билет до Мурманска.

— Дальний путь, — заметил таксист, трогаясь.

— Дальний, — согласился старик. — Самый дальний в моей жизни.

Он смотрел в окно с каким-то странным спокойствием. Не радостным, не грустным — скорее, окончательным. Как человек, который пересчитал все деньги перед долгой дорогой и знает, что обратного билета не купит.

Таксист молчал. Он уже видел такое выражение лица — трижды за свою работу. Два раза удалось переубедить. Один

раз — нет. Этот чемодан, перевязанный бечёвкой, пах не старыми вещами. Он пах прощанием.

Они проехали мост. Старик вдруг сказал:

— Вы знаете, что такое быть живым, но уже мёртвым?

— Расскажите.

— Жена умерла три года назад. Дети не звонят. Внуков я видел раз в жизни, на похоронах жены — они тогда стояли в углу и играли в телефоны, даже не подошли. Соседи здороваются через раз, потому что я стал неудобным — то громко включаю телевизор, то забываю закрыть дверь. А на прошлой неделе упал в коридоре и пролежал шесть часов, пока почтальон не зашёл. Лежал и думал: а кто меня хватится? Сын? Он в Лондоне, у него своя жизнь. Дочь? Она в Новосибирске, она обижена, что я не дал денег на её бизнес десять лет назад. Никто. Ноль.

Он не плакал. Глаза были сухие, жёсткие.

— Я решил: поеду в Мурманск. Мы там жили с женой, когда были молодыми. Я служил на флоте, она работала в библиотеке. Там, на сопках, я закопаю свой старый флотский кортик — единственное, что осталось. И всё. Не буду никому мешать.

— А потом?

— Что потом? — старик усмехнулся. — Вы молоды, вы не поймёте. Потом — ничего. И это самое страшное — не боль, не одиночество. А то, что завтра будет точно такое же, как сегодня. И послезавтра. Бесконечный серый день без едино-

го смысла.

Таксист свернул с главной дороги. Не к вокзалу, нет — он повернул в сторону города.

— Вы не туда едете, — спокойно заметил старик.

— Я делаю крюк, — так же спокойно ответил таксист. — Покажу вам кое-что. У нас есть время.

— У меня есть только время, — горько сказал старик. — Его слишком много.

— Тогда не торопитесь.

Они подъехали к родильному дому на Большой Охте. Таксист остановился напротив окон, за которыми горел тёплый свет.

— Посмотрите направо, — сказал он.

Старик повернул голову. Молодая медсестра вышла на крыльцо покурить, укрывая хрупкие плечи халатом. Из дверей вышел мужчина с огромным букетом — красные розы, белые лилии, всё как полагается.

— Через час ему скажут: «У вас дочь», — тихо сказал таксист. — Он заплачет. Он станет другим человеком. И для кого-то этот день станет самым главным в жизни.

— Я это уже видел, — сказал старик. — У меня двое детей. Я помню, как нёс цветы в такой же роддом. И что? Дети выросли и уехали.

— Они уехали, — согласился таксист. — Но вы помните их маленькими. Помните, как дочка впервые сказала «папа». Как сын учился кататься на велосипеде. Те моменты никто

не отнимет. Они есть. Они были. И они делали вашу жизнь полной — тогда.

Старик промолчал, но взгляд его стал мягче.

Таксист поехал дальше. Они миновали парк, школу, старую аптеку. Остановились у невысокого забора. За ним — детская площадка. Качели, горка, песочница. На скамейке сидела бабушка с внуком — мальчик лет пяти, в синей шапке, сосредоточенно строил башню из формочек.

— Моя бабушка, — сказал таксист, — когда мне было пять, каждое утро катала меня на качелях. Я не помню её лица. Не помню, что она говорила. Но я помню, что чувствовал себя в безопасности. Это чувство осталось на всю жизнь. Благодаря бабушке. Которой сейчас уже нет.

Старик смотрел на мальчика. Тот уронил башню, чуть не заплакал, бабушка обняла его, что-то прошептала. Мальчик улыбнулся и начал строить заново.

— Вы о чём? — спросил старик, но голос дрогнул.

— Я о том, — таксист тронулся с места, — что вы уже сделали этот мир лучше. Ваши дети живы. Они, может, и не звонят, но они есть. И где-то, возможно, ваши внуки строят башни из формочек. И чувствуют себя в безопасности — потому что вы когда-то построили дом, в котором родились их родители.

— Но они меня не знают.

— Это неважно. Важно, что они есть. И что без вас их бы не было. Это первая причина.

— Первая причина чего?

— Остаться.

Старик замолчал. Таксист свернул на набережную — там ветер гнал свинцовую воду, чайки кричали, и город казался огромным и равнодушным.

— Где вторая? — сухо спросил старик через минуту.

— Сейчас.

Они подъехали к больнице — обычной, городской, с облупившимися колоннами. У входа курила медсестра, стояла скорая с открытой дверью.

— В этой больнице, — сказал таксист, — три года назад лежала моя мать. Врачи сказали, что шансов нет. А потом пришла женщина — волонтер, немолодая, с усталыми глазами. Она сидела у кровати каждый день. Читала вслух детективы. Просто держала за руку. Мать выжила. Не потому, что волонтерша была врачом. Потому что она была свидетелем. Кому-то было не всё равно, умрёт моя мать или нет.

— И что? — старик нахмурился.

— А то, что вы можете стать таким свидетелем для кого-то. Прямо сейчас. Не надо ехать в Мурманск закапывать кортик. Можно пойти в волонтеры. Можно читать детям в детдоме. Можно просто сидеть на лавочке и кивать соседке, которая потеряла мужа. Вы нужны. Ещё. Не себе, так другим.

— Я стар, больная спина, ничего не умею.

— Вы умеете быть. Просто быть рядом. В мире, где все

куда-то бегут, это главное умение.

Старик желчно усмехнулся.

— Романтик. Вы — таксист, а философствуете как священник.

— Я просто вожу машину двадцать лет. И видел, как люди уходят и как возвращаются. Поверьте, возвращаются те, у кого есть зацепка. Третья причина — самая простая.

— Ну?

— Солнце сегодня встало. Вы его видели?

Старик посмотрел в окно — небо было серым, ни проблеска.

— Не издевайтесь.

— Я серьёзно. Когда вы в последний раз чувствовали ветер лицом? Не сквозняк в коридоре, а свежий ветер, который пахнет снегом и свободой? Когда в последний раз ели горячий хлеб? Не из микроволновки, а свежий, с хрустящей корочкой? Смотрели на закат просто так, не думая о смерти?

Старик молчал. Губы его дрожали.

— Вы перестали замечать маленькое, — сказал таксист.

— А вы попробуйте. Завтра утром выйдите на балкон, если есть. Нет — откройте окно. Пойдите минутку. Посмотрите на ворону, которая тащит булку. На кота, который греется на подоконнике. На девочку, которая учится кататься на велосипеде. Это жизнь. Она всегда здесь. Она не требует от вас подвигов. Она просто просит: «Посмотри на меня».

Они подъезжали к Ладожскому вокзалу. Вдалеке уже вид-

нелась жёлтая вывеска, автобусы, такси, люди с чемоданами.

— Остановитесь здесь, — вдруг сказал старик.

Таксист припарковался у обочины. Они сидели молча минуту, две, три.

— Я понял, — сказал старик. — Не заставляйте меня говорить что. Я просто понял.

— Хорошо.

— Кортик я всё равно закопаю. Не сегодня. Но когда-нибудь.

— Пусть лежит. Как память.

Старик достал бумажник, вынул деньги.

— Я не могу заплатить вам за то, что вы сделали. Это бесценно.

— Заплатите тем, что завтра встанете и съедите завтрак. С горячим чаем. И посмотрите в окно.

Старик вышел из машины, взял свой лёгкий чемодан, перевязанный бечёвкой. Постоял, подышал воздухом. Ветер трепал его седые волосы.

— Знаете, — сказал он, не оборачиваясь, — я ведь не в Мурманск собирался. Я вообще никуда не собирался. Просто... нужен был кто-то, кто скажет «стой».

— Я сказал.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — ответил таксист. — Живите.

Старик развернулся и пошёл не к вокзалу — обратно, к городу. Медленно, опираясь на трость, но ровно.

Таксист смотрел в зеркало, пока фигура не исчезла за поворотом. Потом включил приём заказов. Экран мигнул: «Новых вызовов нет».

Он выключил двигатель, откинулся в кресле и закрыл глаза. Утро вступало в свои права. Где-то в родильном доме плакал новый человек. Где-то на детской площадке строилась башня. Где-то волонтёр держал за руку чью-то мать. Где-то старик нёс домой горячий хлеб.

Таксист улыбнулся и завёл мотор.

История пятая: Цветы для той, что снится

Я помню свою первую любовь. Мне было семнадцать, я стоял под её окнами с букетом гвоздик (идиот, гвоздики девушкам не дарят). Я простоял час. Не позвонил. Не поднялся. Ушёл. Она вышла замуж за другого через год. Я встретил её через десять лет — она улыбнулась, сказала: «А ты тогда так и не пришёл». Я промолчал. С тех пор я всегда говорю пассажирам: «Придите. Хуже, чем не прийти, — только прийти через десять лет и увидеть, что поезд ушёл».

Таксист

Вечер опускался на город мягко, без дождя, без ветра — только тёплый сентябрьский свет, который задерживается на витринах и стёклах машин дольше, чем положено. Таксист только что высадил старика с кортиком (тот всё-таки пошёл не к вокзалу, а в пекарню — горячий хлеб пах за углом) и принял новый заказ.

«Улица Ленсовета, 19. До Балтийской, 7».

Обычный адрес. Обычный вечер.

Он подъехал к девятиэтажке. Из подъезда вышел парень лет двадцати пяти — джинсы, серая толстовка, кроссовки. Волосы взъерошены, руки в карманах. Сел на переднее си-

день — редкость, обычно пассажиры прячутся сзади.

— На Балтийскую, — сказал он, и голос сел на второй ноте.

— Добрый вечер, — ответил таксист и тронулся.

Первые три минуты ехали молча. Парень смотрел в боковое окно, но не видел города. Он сжимал и разжимал пальцы, потом достал телефон, зачем-то разблокировал, посмотрел на экран, заблокировал, убрал.

— Тяжёлый день? — спросил таксист нейтрально.

— День — нет, — парень усмехнулся в отражение стекла.

— Голова. В голове тяжёлый день. Каждый день.

— Бывает.

— Вы когда-нибудь боялись? Не умереть, не денег лишиться. А так... по-дурацки? — он повернулся к таксисту, и в глазах его была настоящая мука. — Например, подойти к человеку и сказать три слова.

— «Как дела сегодня»?

— Нет. — Он выдохнул. — «Я тебя люблю».

Таксист чуть сбавил скорость. Они ехали по широкому проспекту, фонари зажигались один за другим, город готовился ко сну.

— И кто тот человек? — спросил он мягко.

— Катя. Мы учились вместе. Потом она уехала в другой город на два года, вернулась месяц назад. Я её встретил случайно в кофейне. Она стала... ещё красивее. Не то слово. Она стала светиться. Понимаете? Как будто внутри у неё лампоч-

ка, которую никто не видел, а теперь видно всем.

— Вы с ней общаетесь?

— Мы переписываемся. Иногда. Она отвечает быстро, но я не знаю — это вежливость или... Она смеётся над моими шутками. Она помнит, что я не люблю бананы. Это что-то значит? Или ничего не значит?

Он говорил быстро, сбивчиво, пальцы опять сжались в кулаки.

Таксист свернул на набережную — здесь было тише, можно было ехать медленнее.

— А что вы чувствуете, когда думаете о том, чтобы признаться? — спросил он. — Не просто страх. А именно что происходит внутри?

Парень надолго замолчал. Потом сказал тихо:

— Паника. Буквально. Сердце начинает биться так, что я слышу его в ушах. Ладони потеют. Мне хочется... исчезнуть. Прямо провалиться сквозь землю. Даже сейчас, когда я просто говорю об этом с вами, чужим человеком, у меня внутри всё сжимается.

— Это нормально, — сказал таксист. — Мозг так защищается.

— От чего защищаться? От трёх слов?

— От возможности потерять то, что у вас есть сейчас.

Парень замер.

— Сейчас, — продолжил таксист, — у вас есть мир, в котором она *может быть* влюблена в вас. Вы живёте в этом

мире. Вы просыпаетесь и думаете: «А вдруг?» Это даёт энергию, смысл, надежду. Признание разрушает этот мир. Потому что после него будет либо «да», либо «нет». А «нет» — это конец надежды. Мозг этого боится больше, чем отказа. Он боится пустоты, которая наступит, если надежда умрёт.

— Да! — парень почти выкрикнул. — Точно! Я боюсь не того, что она скажет «нет». Я боюсь, что после этого я останусь один со своими мыслями. Что я не смогу больше мечтать о ней. Что я потеряю тот тёплый туман, в котором живу последний месяц. Вы понимаете?

— Понимаю. Это как сидеть в тёплой ванне и знать, что тебе надо вылезать на холодный пол. Но если не вылезти — вода остынет сама. И тогда будет ещё хуже.

Парень на секунду прикрыл глаза.

— Вы психолог?

— Таксист. Просто я много езжу и много слушаю. Хотите, я расскажу вам, что происходит в голове у человека, который боится признаться?

— Валяйте. Всё равно ехать десять минут.

— У вас там, — таксист показал на лоб парня, — сидит маленький диктатор. Он говорит: «А что, если она засмеётся? А что, если она скажет "ты мне как брат"? А что, если она расскажет подругам, и те будут над тобой издеваться? А что, если ты всё испортишь и она перестанет даже отвечать?»

— Откуда вы знаете? — парень округлил глаза.

— Потому что это говорит не разум. Это говорит страх.

А у страха одно лицо — он рисует самые страшные картинки, чтобы вы остались на месте. Потому что для мозга «на месте» — это безопасно. Даже если это место — болото.

— Но если она откажет? — голос парня дрогнул. — Я не вынесу.

— Вынесли бы. Знаете почему? Потому что отказ не убивает. Незнестность — убивает. Она высасывает силы по капле. Вы не спите? Аппетит пропал?

Парень виновато кивнул.

— Не едите, не спите, прокручиваете диалоги в голове, придумываете, что сказать, потом вычёркиваете, потом придумываете заново. Это не жизнь. Это пытка. А после отказа вы хотя бы будете знать. И начнёте заживать. Больно — да. Один день, неделя, месяц. Но рана затягивается. А неизвестность не затягивается никогда.

Они проехали мимо цветочного магазина. Яркие витрины, букеты в вёдрах на улице.

— Давайте я задам вам один вопрос, — сказал таксист. — Если бы вы знали, что она точно скажет «нет», вы бы всё равно признались?

Парень задумался всерьёз, даже брови сдвинул.

— Да, — сказал он наконец. — Потому что иначе я буду всю жизнь жалеть, что не попробовал.

— А если бы вы знали, что она скажет «да»?

— Я бы уже бежал.

— Так в чём же дело? Вы не знаете ни того, ни другого. Вы

застряли в «а что если», которое вас парализует. Но «а что если» — это не факт. Это ваш страх, который надел маску реальности. Снимите маску. Спросите себя: что самое плохое случится, если она откажет?

— Она скажет «нет». Я уйду. Буду страдать.

— А что самое хорошее?

— Она скажет «да». И моя жизнь изменится.

— Значит, соотношение: хорошее — жизнь меняется.

Плохое — вы страдаете, но вы и так уже страдаете. Прямо сейчас. В этой машине. Страдаете от неизвестности. Так зачем продолжать?

Парень молчал полминуты. Потом спросил:

— А как вы думаете... она вообще чувствует что-то? Мы же просто переписываемся. Может, она ко всем так добра?

— А вы посмотрите на факты, — таксист говорил ровно, без давления. — Она отвечает быстро. Помнит, что вы не любите бананы. Смеётся над вашими шутками. Всё это — маркеры внимания. Вы ей не безразличны. Вопрос — в какой степени. Но чтобы узнать степень, надо задать вопрос.

— А вдруг она скажет: «Ты хороший, но давай останемся друзьями»?

— Тогда вы будете знать, что она вас ценит, но не любит. И вы сможете переключиться. Найти ту, кто скажет «да». А пока вы сидите в засаде, вы не видите никого вокруг. Вы даже не замечаете, сколько людей готовы вас полюбить. Потому что ваш прицел настроен на одну цель.

Они подъезжали к Балтийской, 7. Дом Кати. Парень увидел знакомый подъезд и весь сжался, будто его ударили.

— Нет, — сказал он. — Я не готов. Доведите до моего дома. Я передумал.

— Вы в этом уверены?

— Я не могу. Сердце выпрыгивает. Я опозорюсь.

Таксист не спорил. Он молча развернулся и поехал обратно. Но не по прямой, а через центр. Через те же набережные, те же огни.

— Знаете, — сказал он через минуту, — любовь — это не чувство. Чувство — это влюблённость. Любовь — это действие. Это когда вы переступаете через страх и делаете шаг. Не потому, что уверены в результате, а потому, что не можете не сделать.

— Красивые слова.

— Это правда. Я в своей машине видел сотни людей, которые не признались. И знаете, что их объединяет через пять лет?

— Что?

— Они говорят: «А что, если бы я тогда...». И в их глазах — сожаление. Не грусть, а именно сожаление о несделанном. Я ни разу не видел человека, который бы признался и потом пожалел об этом. Даже те, кому отказали, говорили: «Зато я не трус». А трусов я видел много. Они все сидят на заднем сиденье и ненавидят себя.

Парень смотрел в окно. Проехали парк. Качели, пустые

скамейки, аллея фонарей.

— Вы хотите, чтобы я развернулся сейчас, да? — спросил он тихо.

— Я хочу, чтобы вы перестали себя мучить, — ответил таксист. — Развернуться или нет — решать вам. Но я скажу одну вещь. Девушка, которая помнит, что вы не любите бананы, — она ждёт. Не специально, нет. Просто она чувствует, что вы что-то не договариваете. И она не будет первой. Потому что боится так же, как вы. Это игра в молчанку. Один из вас должен сделать ход. Почему не вы?

Они остановились на светофоре. Рядом на тротуаре стояла девушка с букетом ромашек — больших, полевых, в крафтовой бумаге. Она улыбалась в телефон. Ясно, кому-то повезло больше.

— Остановите, — выдохнул парень. — Пожалуйста.

Таксист припарковался у цветочного.

— Я куплю. Я куплю ей цветы. Какие лучше? Я не знаю, какие она любит.

— Не знаете — спросите продавца. Скажите: «Для девушки, которая смеётся над моими шутками и помнит, что я не ем бананы».

Парень выскочил из машины, через две минуты вернулся с букетом бордовых роз — нежных, бархатных, ещё в каплях воды.

— Сказали, розы — это страстно, — проговорил он, рассматривая цветы. — Но не вульгарно. И пахнут...

— Садитесь, — сказал таксист. — Поехали.

Он развернулся третий раз за вечер. Теперь они ехали к дому Кати быстро, без объездов. Парень мял букет, но уже не сжимался — он смотрел вперёд, губы шевелились, репетировал.

— Скажите, — спросил он внезапно. — А если я скажу, а она растеряется? Застесняется? Не ответит сразу?

— Тогда скажите: «Ты не обязана отвечать сейчас. Просто знай».

— А если спросит: «Ты серьёзно?»

— Скажите: «Никогда не был серьёзнее».

— А если...

— Хватит «если», — твёрдо, но мягко перебил таксист. — Вы едете не для того, чтобы подготовить речь. Вы едете, чтобы сказать правду. Правда не требует красивых слов. Она требует смелости. А смелость — это не отсутствие страха. Это страх плюс действие. Действуйте.

Они подъехали к Балтийской, 7. Во дворе горел фонарь, скамейка, песочница. Никого. Тишина.

Парень открыл дверь, взял цветы, и вдруг замер.

— Как вас зовут? — спросил он, глядя на таксиста. — Вы спасли мне вечер. И может быть, жизнь.

— Меня зовут так же, как того голоса, который говорил вам правду всё это время, — ответил таксист. — Вы просто не слушали. А теперь слушайте.

— Я...

— Идите. Цветы завянут, если ждать.

Парень выдохнул, шагнул на тротуар и пошёл к подъезду. Шёл быстро, не оглядываясь. Букет всё же дрожал в руке, но он не остановился.

Таксист посмотрел в зеркало. Парень набрал код домофона. Дверь открылась не сразу — секунд через двадцать. И он исчез.

Таксист не уехал сразу. Подождал пять минут. Потом десять.

На двенадцатой минуте на балконе третьего этажа зажёгся свет. Сначала одна лампа, потом вторая. Два силуэта — парень и девушка. Она взяла букет, прижала к лицу. Потом обняла его.

— Ну вот, — тихо сказал таксист сам себе. — А боялся.

Он включил приём заказов, но вызовов не было. Вечер заканчивался.

Таксист улыбнулся и поехал домой. Завтра будет новый день. И новые истории. Город никогда не спит. И те, кто в нём живут, никогда не перестают бояться. Но иногда, очень редко, они всё-таки выходят из машин и идут к тем, кого любят.

С цветами. Без гарантий. Просто потому, что иначе нельзя.

И

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.